

А. А. Черноусов (Санкт-Петербург)

ЖИЗНЬ И БЫТ ОФИЦЕРОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

СЕВАСТОПОЛЬ имеет долгую и богатую историю. Город был основан в 1783 г. как главная база Черноморского флота. Строительство и развитие Севастополя тоже неразрывно связано с флотом. Особенностью города являлась его транспортная оторванность от метрополии в течение почти ста лет. Отсутствие дорог, способных обеспечивать свободное перемещение большого количества людей и грузов, приводило к тому, что Севастополь рос и развивался в собственном микроклимате. Особенности городского быта и флотских традиций также формировались на протяжении долгого времени в достаточно замкнутом обществе, сложившемся вдалеке от столиц. Одним из наиболее интересных в этом отношении периодов являются 20—30-е гг. XIX в. В это время Черноморский флот в отличие от Балтийского являлся воюющим флотом, а в 1830-е гг. произошёл серьёзный перелом в укладе жизни и службы Черноморского флота, связанный с приходом к руководству им адмирала М. П. Лазарева.

В конце 1820-х гг. в Севастополе большинство офицеров не получало системного образования в кадетском корпусе. Детей воспитывали и обучали родители или приставленные к ним офицеры. В дальнейшем они проходили практическое обучение на кораблях флота и затем назначались на офицерские должности. Подавляющее большинство жителей Севастополя в той или иной мере было связано с флотом. Именно так формировалось представляющее собой особый феномен общество, воспитанное на флотских традициях, которое впоследствии оказалось способно противостоять существенно превосходящим силам агрессора во времена Крымской и Великой Отечественной войн.

Автору представляется интересным заглянуть в это общество, увидеть, как был организован быт и досуг офицеров, чем они жили, как воспитывали и учили детей. С этой точки зрения интересна всеподданнейшая записка флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Николая Петровича Римского-Корсакова¹ от 7 февраля 1829 г.², обнаруженная в Российском государственном архиве Военно-Морского флота.

В 1829 г. по приказу императора Николая I флигель-адъютант капитан 2-го ранга Н. П. Римский-Корсаков был командирован в Севастополь для ревизии Севастопольского порта и осмотра госпиталей. Это связано с дошедшей до императора информацией о масштабных злоупотреблениях на Черноморском флоте. По результатам ревизии Римского-Корсакова на Черноморский флот был отправлен ещё ряд ревизий, во время одной из которых был отправлен ревизор капитан 1-го ранга А. И. Казарский. Надо отметить, что доклады ревизоров императору о состоянии дел на флоте и даже смерть Казарского так и не привели к реальной борьбе со злоупотреблениями на Черноморском флоте до момента назначения на должность Главного командира Черноморского флота М. П. Лазарева.

Записка не является изложением результатов ревизии — о них Римский-Корсаков докладывал отдельно. Она содержит описание общего состояния дел в Севастополе и на флоте.

Римский-Корсаков как человек, не связанный службой с Черноморским флотом, являет сторонний взгляд столичного офицера, который наблюдал за жизнью флотского сообщества в Севастополе с особым вниманием для подробного доклада императору. Как человек военный, он замечал и фиксировал не только быт, но и сугубо военные аспекты. Он обращает особое внимание на состояние воинской дисциплины, подготовку и моральный дух офицеров, дает общую характеристику Черноморскому флоту в сравнении с Балтийским. Немаловажный аспект, фиксируемый Н. П. Римским-Корсаковым — вопрос политической благонадежности. Это связано с политикой, проводимой Николаем I после восстания декабристов. Севастополь, находившийся в определенной изоляции от центральной России, по свидетельству Николая Петровича, был далек от политики. Тем не менее спустя год произошло Севастопольское восстание (чумной бунт) с убийством градоначальника Н. А. Столыпина.

Документ представляет собой писарскую копию, хранится в Российском государственном архиве Военно-морского флота в фонде «Документы контр-адмирала Римского-Корсакова». Он публикуется по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей источника. В местах неразборчивого текста поставлены многоточия.

«Госпитальные дела удержали меня здесь 9 суток. В продолжение сего времени я старался обзнакомиться с офицерами и узнать образ их жизни, их поведение, рвение к службе и духе.

В Севастополе каждый шаг офицера виден. Город так невелик, что тут ничто не скроется, все друг друга знают, и поступки одного никогда не могут быть тайной для другого. Образ жизни их точно такой же, какой был и за 20 лет тому назад, с весьма немногими изменениями, и нет причин, которые могли изменить его много.

Город стоит на краю империи и весь наполнен такими офицерами, из коих самая наибольшая часть тут родилась, выросла, состарилась и передала своим детям тоже, что получила от отцов и дедов, те же привычки и те же обыкновения. Это одно отдельное семейство, которое или живет в море, или в Севастополе, ничто к нему не входит и ничто не изменяется.

Кампания кончилась — и офицеры перебираются на берег, живут по одному или по несколько человек вместе. Но служба так прочно их соединила, что с переездом на берег и дружество, и все отношения остаются те же, что и на корабле. Все друг с другом водятся, собираются у одного ли у другого и таким образом, смотря по чинам и летам, составляют между собой разные общества. Высший круг составляют адмиралы, потом старшие капитаны и младшие капитаны, и так далее до лейтенантов и мичманов. И как везде живут только одним жалованием, то нигде нет роскоши, но нет и бедности, они живут без нужды. Никто не скучает и каждый весел по возможности.

В кругах младших веселость сия есть наибольшая, но и не всегда пристойная, она часто преступает границу приличия и доходит иногда до некоторого буйства. Но однако не до того закоренелого буйства, которое три года тому назад и здесь, и в Балтике было так обыкновенно. Ваше Императорское Величество переменяло, и весь флот воскрес, и всё получило другое направление. Теперь каждый офицер чувствует себя иначе, и иначе себя ведёт, и буйство само собой исчезло. Но следы ещё остались.

Пьянства вовсе нет, но нетрезвость бывает. В здешнем клубе случается, что во время бала офицер выпьет, на шумит и делает даме дерзость. В таких случаях обыкновенно поступают так: зовут ружейных, которые для бала всегда особенно наряжаются, возьмут офицера, что без грубостей не обходится, и посадят его на блокшив³ “Венеру”, а на другой день выпускают, и тем всё кончается.

Нетрезвость не есть общая, она принадлежит очень небольшому числу только таких офицеров, которых никакое время не исправит, и которые в дурных своих свойствах укрепились или приобретают их вновь от послабления начальства. Вообще же господа офицеры ведут себя отлично хорошо, и чтобы сему корпусу быть так же отличнейшим и по службе, ему недостаёт только одного: хорошей дисциплины. На неё жалуются многие капитаны и говорят, что она совсем не такова, какова должна быть, что офицеры грубы и по службе не очень исполнительны. Я не смею умолчать, что в этом не правы и сами капитаны. Офицер делает грубость капитану или по совершенному к нему неуважению, или просто по буйным своим свойствам. В первом случае виноват сам капитан, а второе непосредственно зависит от адмирала: два—три примера — и такие характеры исчезнут.

Если капитан своё дело знает хорошо, хорошо обращается и сам чтит во всём, то есть: не имеет счётов с экипажем, с корабельным комиссаром, с шкиперским содержателем, с ревизором и непричастен к торгам и оборотам, то непременно все подчинённые его любят. Офицеры обыкновенно желают и даже требуют, чтобы капитан их имел все сии три достоинства. Худо, нежели капитан не имеет первого достоинства или второго, но всего хуже, если нет третьего. Никакие познания сего не заменят! Такой капитан никогда не может держать порядка. Офицеры в нравственном отношении невольным образом чувствуют себя его выше, и хорошей дисциплины уже не может быть. Повиновение есть, и приказы выполняются, но всегда неохотно и с ропотом, и не только выговор такого капитана, но и самое слабое замечание всегда принимается с огорчением и с досадою, и за это офицеры всегда выискивают случай, чтобы как-нибудь его уколоть, упрекнуть и сделать ему грубость. Капитан обижается, но всё переносит. Он боится быть взыскательным, боится, чтобы форменный взыск не вывел наружу всех его поступков, а потому от строгости уклоняется и смотрит на службу сквозь пальцы. Ему

грубят, а он молчит и нередко прибегает к тайному мщению: аттестует офицера хорошо, а прибавкою положит ему чёрный шар⁴. А сим третьим достоинством не многие черноморские капитаны могут похвастать. Счёты и торги у них и до сих ещё пор в таком же обыкновении, в каком некогда были в Балтийском флоте.

К тому же наибольшая часть черноморских капитанов суть греки, и хотя многие из них люди очень хорошие и хорошие офицеры, но уже довольно быть греком, чтобы русские его не любили, ненависть к ним есть общая всем здешним русским, и она дошла теперь уже до такой степени, что у русских слово грек сделалось бранным словом.

К сим двум... я осмеливаюсь присоединить и третью, и наиважнейшую, а именно воспитание черноморских офицеров.

Черноморский офицер воспитан и подготовлен для службы совсем не так, как теперь приготавливают в морском корпусе. Воспитание в корпусе возведено Вашим Величеством в наивысшую степень совершенства, и оно не имеет ни малейшего сходства с воспитанием нашего времени. Время нашего воспитания разделялось на две части — на несистематическое преподавание наук и гибельную для нравственности праздность. Нам преподавали всё — и ничего основательно, а от того иное мы недоучили, и иное переучили, и ничему не выучились порядочно. Всё шло и наполняло одну только память, а до понятия редко достигало. Но память с годами ослабела, и теперь в голове каждого из них осталось очень немного.

Нравственность же наша независимо даже от той меры добра и зла, которая в каждом человеке есть от рождения. Полная свобода делать всевозможные шалости всегда уменьшала меру добрую и увеличивала дурную. Мы знали, что через известное число лет мы непременно будем офицеры, а потому всегда смело и шалили, и ленились. Нас жестоко наказывали, но всегда наказывали тело и никогда не действовали на мораль. Мы привыкали грубить, ничего в нас не развивалось, ничто не было образовано. Мы выходили из корпуса — так — каким-нибудь, и хорошим, и дурным, как случится. Но никогда не случалось, чтоб хороших было больше, а всегда дурных выходило вдвое против хороших.

Теперь курс наук преподают кадету самый полный, по лучшей методе и лучшими учителями, и за ними такой внимательный, бдительный и просвещённый надзор, что офицер уже может

выйти недоученный, но непременно будет выходить с отличным образованием всевозможным природным способностям каждого, время, остающееся от учения, теперь употреблено на занятие ружьём. А занятие сие приносит три наиважнейших пользы: сохраняет нравственность, приучает к повиновению и укрепляет тело. После класса кадет не имеет ни одной той праздной минуты, в которую обыкновенно входят в голову разные шалости, он занят беспрестанно, ему некогда об них и думать. И нравственность его чиста и ещё направлена и улучшена тем ежеминутным повиновением, в котором, стоя под ружьём, он находится. Стоя под ружьём, кадет не может приобрести никаких тех дурных ухваток, которые на наших выпусках так заметны. Он каждую секунду на глазах начальника и старается держать себя по тем правилам, которые есть наилучшие.

Приготовление же черноморских офицеров совсем другое. Черноморские офицеры по большей части суть дети капитанов и воспитываются у них дома, поэтому нравственность их и их свойства, добрые или худые, остаются те же, какие имеет отец, с большим или меньшим изменением. Их учитель — обыкновенно есть или штурман (других же учителей здесь вовсе нет), или сам отец. Но штурман кроме навигации ничего не знает, а отец и сам учился ещё в то время, когда никто ничему не учился. А хотя и знал, но уже с годами многое позабыл, и уже не может сыну преподавать всё то, что нужно для хорошего морского офицера. Следовательно, обучение и познание детей гораздо здесь ниже против того, какое преподаётся теперь в Морском корпусе.

(И я решительно смею сказать, что вообще образование балтийских офицеров гораздо выше черноморских, но не офицеров морской артиллерии. Здесь артиллеристы несравненно лучше образованы, нежели артиллеристы балтийские, и даже гораздо лучше против здешних морских.)

По предварительном обучении сын поступает гардемаринном на корабль или к другу отца, или к самому отцу (что непременно всегда бывает), там он занят одними рассылками по кораблю и на гребных судах, и больше ничем. Занятие счислением, журналом, записками и классом суть только предполагаемое. Остальное время он проводит в праздности и по большей части в шалостях, а на корабле у отца он только меньше шалит, но зато под командою не у капитана, а всегда у такого отца, который не столько просвещён, чтобы иметь твёрдость не делать сыну излишних

снисхождений, он видит в нем не гардемарина, но ещё ребёнка, который ещё успеет выучиться, и ему потворствует, а офицеры на корабле обходятся с ним тоже не как с гардемаринном, а как с сыном капитана, и так же ему потворствуют. Такой гардемарин обыкновенно очень худо стоит на вахте, ночью спит, днём часто бегаёт вниз, а в дождливое или бурное время иногда и совсем наверх не выходит, и таким образом с самых юных лет он привыкает отлыниваться, нежиться и служить как-нибудь. Сверх того, потворство родит в нём капризы, какую-то свою волю и приучит его к словам — хочу, не хочу, которые, наконец, никакое понятие о повиновении к нему не допустят.

После трёх таких кампаний, в продолжение которых он только что укоренится в дурном, а полезное ничего не приобретёт (практика, приобретаемая им, всегда практика только гардемаринская, всегда и очень мала, и гораздо меньше гардемаринской в морском корпусе) гардемарина экзаменуют, но как экзаменаторы тоже отцы или их друзья, то, обыкновенно, знает он или не знает — всё равно отметка всегда одна и та же, и всегда очень хорошая, а об поведении никто не спрашивает — и он офицер.

Такой офицер уже конечно не тот, который выпущен из корпуса. Он дурно учился и взрос в потворстве, следовательно, для службы приготовлен очень худо, и разница между ними так заметна, что взглянувши на двух, тотчас можно сказать, кто воспитывался здесь и кто в морском корпусе. Но всего приметнее выпущенные в прошлом году — преобразованием корпуса они пользовались только два года, но уже многое приобрели, и особенно выиграла их наружность, каждый из них чище одет, лучше выправлен, развязнее, живее и по службе расторопнее. И все капитаны отзываются об них с похвалою, и хотя и неохотно, но отдают им преимущества перед своими — и нельзя не отдать, один для службы уже готов, а другого еще надобно перedelывать.

(...)

Все три причины (неправость капитанов, ненависть к грекам и дурное воспитание) вместе взятые делают дисциплину в Черноморском флоте не такову, какова она должна быть.

Но при всём том она не совсем худа: очень многие офицеры знают службу как должно, и при всех недостатках воспитания очень многие не столько любят праздность, сколько полезное чтение (чему здешняя библиотека подаёт все способы).

В продолжение 9 дней я видел приготовление флота. Адмиралтейство пусто, в магазинах⁵ ничего нет, и флот во всём нуждается. И вообще в порте нет того движения и нет той деятельности, какова должна быть в военное время за три недели до выхода флота в море. Сей недостаток стесняет каждого, все на него жалуются, и никто не может действовать всей силой своего усердия. Но ревность видна во всех, каждый рвется делать всё, что может, и с нетерпением желает бежать в море и быть под ядрами.

Дух же офицеров есть самый наилучший, здесь никто не начинён новостями, никто их не слушает и никаких не делает решительных заключений, и никто с видом серьёзным и тоном глубокой обдуманности не выдаёт свой пустой набор слов за общее мнение. Здесь каждый знает свои обязанности и об них только и заботится, а в чужое не ползет, и не путается и не вязнет ни в стратегии, ни в постановлениях, и никто не мечтает, что его план офицерский есть план чрезвычайно важный. Здесь каждый знает, что всякие его планы есть небольшие. И вообще никогда предметом разговоров не бывает политика или какие-нибудь критические разборы, но всегда Анапа и Варна⁶, и особенно пребывание Вашего Величества на корабле “Париж”⁷. (...)

Все сии разговоры и общая решительная готовность совершенно удостоверяют, что милостивое внимание, оказанное Вашим Императорским Величеством черноморским офицерам, произвело над ними то самое действие, какое оно всегда и над каждым производит: преданность... Одним словом, дух черноморских офицеров таков, что Вашему Величеству стоит только указать неприятеля, чтобы поздравить себя с победой.

7-го февраля 1829 года

Город Севастополь».

Использованные источники:

РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 20. Л. 1—8.

¹ Николай Петрович Римский-Корсаков (дядя композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова) родился в 1793 г. в Санкт-Петербурге. В 10 лет поступил в Морской шляхетский корпус. По окончании корпуса в 1807 г. служил на Балтийском флоте. Во время Отечественной войны 1812 года принимал непосредственное участие в сражениях при Смоленске, Бородино, Малоярославце.

Участвовал в Заграничном походе русской армии 1813—1814 гг., ранен в сражении при Кульме. С 1823 по 1826 г. совершил кругосветное плавание на шлюпе «Предприятие» под командованием капитана 2-го ранга О. Е. Коцебу. В 1828 г. участвовал в русско-турецкой войне, а в 1831 г. — в подавлении Польского восстания. С 1843 г. директор Морского шляхетского корпуса, а с 1844 г. член Адмиралтейств-совета. Скончался в Санкт-Петербурге 31 октября 1848 г. Незадолго до смерти произведен в вице-адмиралы.

² Здесь и далее даты указаны по старому стилю.

³ Блокшив — старое, обычно несомоходное судно, лишенное механизмов, оборудования и используемое для помещения на нём склада, казармы, гауптвахты, лазарета и других служб.

⁴ Речь идет про баллотирование. Баллотирование (баллотировка) — (от итал. Ballotare — избирать шарами) — вид голосования, которое осуществлялось опусканием в специальную урну чёрных и белых шаров (баллов). Баллотирование во флоте офицеров на должности установлено Петром I в 1719 г.

⁵ Магазин (устар.) — склад.

⁶ Имеются ввиду десантная операция Черноморского флота у Анапы и осада и взятие Варны в ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

⁷ Николай I лично руководил боевыми действиями под Варной с борта линейного корабля «Париж» с 27 августа по 2 октября 1928 г.